

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Г. А. Трофименко

За 30 лет, прошедших со времени окончания второй мировой войны, военно-политическая стратегия США претерпела сложную эволюцию. Начав со ставки на мировую гегемонию, американские правящие круги пришли в конце концов к осознанию невесильности Соединенных Штатов и к претворению этого понимания в конкретные акции.

На эволюцию внешнеполитического мышления и практики правящих кругов США оказал влияние ряд факторов. Главным, решающим из них было неуклонное изменение соотношения сил между двумя социальными системами — социализмом и капитализмом — в пользу первого. Среди других объективных факторов следует назвать усиление классово-вой борьбы в капиталистических странах, рост сознательности и политической активности народных масс, укрепление прогрессивных демократических сил и движений, оказывающих немалое сдерживающее влияние на политику империалистических правительств, в том числе правительства США. Крушение колониальной системы и выход на мировую арену все большего числа государств, проводящих политику неприсоединения, также являются важным фактором, с которым правящим кругам США и других западных держав приходится все больше считаться. К этой же группе факторов следует отнести и другие процессы, связанные с углублением общего кризиса капитализма: обострение противоречий империализма в процессе развития государственно-монополистического капитализма, рост милитаризма, усиление внутренней неустойчивости капиталистической экономики, обострение межимпериалистических противоречий и т. д. Нарастание всех этих явлений, затронувших в первую очередь цитадель мирового капитализма — США, заставило американские правящие круги постепенно умерить свои внешнеполитические аппетиты, систематически производить «мучительные переоценки» своей политики. Все увеличивающаяся тяжесть бремени гонки вооружений, развязанной США, объективная необходимость (во имя укрепления внутренней базы капитализма) повышения внимания к внутренним социально-реформистским программам за счет внешних и соответствующего перераспределения ресурсов, провалы предпринимавшихся Вашингтоном военных авантур (Корея, Индокитай и т. д.) также сыграли свою роль в усилении реалистических тенденций в политике правящих кругов США. Наконец, исключительно важное значение для поворота США в сторону разрядки имеет целеустремленная конструктивная политика мира, проводимая странами социалистического содружества, выдвинувшими реальную альтернативу политике «холодной войны» и гонки вооружений.

Весь этот длительный процесс постепенного приспособления американского империализма к меняющейся международной обстановке не был плавным поступательным движением. Правящие круги США

вынуждены были приспособлять внешнюю политику своей страны к новым условиям в мире в известной мере вопреки своим субъективным устремлениям. Поэтому сдвиги в направлении реализма во внешне-политическом курсе Вашингтона порой перемежались отступлениями в сторону «холодной войны», оживлением примитивных антикоммунистических стереотипов. Говоря о противодействии определенных кругов США политике разрядки в советско-американских отношениях, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отмечал: «Как и все значительные повороты в историческом развитии, этот поворот в отношениях между СССР и США происходит не просто, происходит в условиях борьбы различных сил, с некоторыми зигзагами и заминками»¹.

Реалистические внешнеполитические концепции не сразу получали отражение в официальной политике США, а сначала, часто в течение многих лет, обсуждались американской политической элитой, в академических кругах. И лишь спустя некоторое время наиболее приемлемые с точки зрения буржуазии идеи получали отражение во внешнеполитической философии и в практике администрации. Именно этим обстоятельством объясняется во многом тот факт, что, так сказать, председательствовать при радикальном повороте США от конфронтации к взаимопониманию и сотрудничеству с СССР пришлось не кумиру американских либералов Дж. Кеннеди, который одним из первых осознал, что США не всемогущи и не всеведущи, а Р. Никсону, имевшему репутацию консерватора и антикоммуниста. Очевидно, что во времена Дж. Кеннеди правящий класс США в целом еще не был готов к осуществлению того радикального внешнеполитического поворота, который уже давно диктовался объективной действительностью.

Можно выделить три основных этапа эволюции во внешней политике США, что, естественно, находило свое отражение и в их военно-политической стратегии. Первый этап — 1945—1955 годы. Он характеризовался проведением США жесткой политики «холодной войны», фактическим отказом от равноправных переговоров с СССР, ставкой на «отбрасывание» социализма, «освобождение» социалистических стран, стремлением переиграть «с позиции силы» США итоги второй мировой войны. Второй этап — 1955—1969 годы. В этот период правящие круги США продолжали «холодную войну». Тем не менее в политике США постепенно нарастали элементы реализма, проявлявшиеся в готовности вести равноправные переговоры с СССР, другими социалистическими странами без предварительных условий, готовности к отдельным шагам в области разоружения, в расширении культурных связей с социалистическими странами. Однако политика США была все еще по преимуществу политикой «с позиции силы», политикой, делавшей ставку на «отбрасывание» социализма «на периферии» с помощью военной силы при более осторожном подходе к вопросам «центрального конфликта» (Европа). Третий этап начался в 1969—1970 гг. и характеризуется официальным признанием США принципа мирного сосуществования во взаимоотношениях между государствами с различным социальным строем. Американские лидеры признали факт паритета между США и СССР в стратегических вооружениях и выразили готовность закрепить этот факт в соответствующих соглашениях. Этот период характеризуется также налаживанием отношений сотрудничества в области экономики, культуры, науки и техники между СССР и другими странами социалистического содружества и США, более критической оценкой Вашингтоном возможностей использования военной силы на мировой арене.

Проблеме эволюции военно-политической стратегии США после второй мировой войны посвящены на Западе тысячи монографических исследований как апологетического (в основном), так и критического

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 4. М. 1974, стр. 380.

толка. Даже одно перечисление фамилий авторов этих работ заняло бы несколько страниц. Поэтому интересующихся библиографией этого вопроса мы отсылаем к коллективной монографии «Американская историография внешней политики США. 1945—1970» (М. 1972), в которой дан всесторонний анализ различных школ и направлений в американской исторической науке, подробно проанализированы труды как официальных деятелей, так и политологов по рассматриваемой проблематике. Весьма подробно вопросы военно-политической стратегии США трактуются и в ряде других работ, вышедших у нас в последние годы².

Что же касается источников, то здесь следует прежде всего назвать серию «Международные отношения Соединенных Штатов» («Foreign Relations of the United States»), публикуемую госдепартаментом США в течение уже многих десятилетий. Тома этой серии содержат, как правило, конфиденциальную и секретную информацию, избирательно рассекречиваемую спустя 50—30 лет по прошествии соответствующих событий. Тома «Международных отношений», изданные в США в самое последнее время, охватывают внешнюю политику и военно-политическую стратегию США с 1945 по 1948 г. включительно и дают ценнейший материал для исследования процесса формулирования внешней политики и стратегии США в то время. Изучение этих документов, кстати говоря, лишний раз подтверждает справедливость и обоснованность выводов советских ученых относительно целей и характера американской внешней политики и стратегии в период непосредственно после второй мировой войны.

Основные стратегические задачи США в условиях «биполярной конфронтации». После второй мировой войны главными исходными постулатами для формирования внешней политики и военно-политической стратегии США продолжали оставаться те традиционные (хотя и несколько модифицированные) принципы, которые были положены в основу внешнеполитической деятельности США еще «отцами-основателями»: убеждение в том, что в конечном итоге важнейшим фактором внешней политики является военная сила; концепция «просвещенного эгоизма», ставящая во главу угла прежде всего корыстные интересы господствующего класса, буржуазии, а потом уже все остальные соображения морального, политического и т. п. плана; идея «предопределенной судьбы», традиционно трактуемая в США как возложенная на эту страну силой «божественного провидения» миссия по распространению в мире «американского образа жизни» — «наилучшего из всех возможных». Под военной силой теперь подразумевалась в первую очередь авиационно-атомная, а позднее ракетно-ядерная мощь. «Просвещенный эгоизм» был направлен на «заполнение» всевозможных экономических, политических и других «вакуумов» (в понимании американских полити-

² См., в частности, «Военная сила и международные отношения. Военные аспекты внешнеполитических концепций США». М. 1972; «Военная стратегия». Изд. 1—3-е. М. 1961—1967; «Доктрина Никсона». М. 1972; А. Е. Ефремов. Европа и ядерное оружие. М. 1972; Н. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М. 1960; А. Каренин. Философия политического насилия. Критика некоторых антикоммунистических концепций в области внешней политики США. М. 1971; В. И. Лан. США в военные и послевоенные годы (1940—1960). М. 1964; Ю. Н. Листвинов. Первый удар (Некоторые современные тенденции развития американских концепций «тотальной силы»). М. 1971; его же. Обычное оружие в ядерном веке. Американские концепции ведения локальных войн. М. 1975; Ю. М. Мельников. От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М. 1974; В. Г. Митяев. Ядерная политика США в НАТО. М. 1973; М. А. Мильштейн, А. К. Слободенко. О военной доктрине США. М. 1963; Г. А. Трофименко. Стратегия глобальной войны. М. 1968; Ю. М. Шейнин. Наука и милитаризм в США. Научно-технический переворот в военном деле и возникновение предпосылок кризиса милитаризма. М. 1963.

ков), образовавшихся в результате краха колониальной системы и того состояния протрации, в котором оказались многие бывшие метрополии, как побежденные, так и победители: Германия, Италия, Япония, Великобритания, Франция, не говоря уже о других капиталистических государствах. «Предопределение судьбы» означало, что американской буржуазии провидением предназначено воспользоваться сложившейся ситуацией, а именно ростом экономического потенциала США, не затронутого войной, для того, чтобы установить на земле «американский мир» («Рах Америгана»), знаменующий собой наступление «американского века».

Серьезной помехой на пути своих гегемонистских устремлений американские империалисты считали Советский Союз, который вышел из войны политически усилившимся и укрепившим свои стратегические позиции. Если до второй мировой войны американские политики считали существование социалистического государства и марксистской идеологии в известной мере лишь косвенной угрозой «американскому образу жизни», то в послевоенных условиях, когда империализм США принял на себя роль гаранта и охранителя всей системы мирового капитализма, лидеры этой страны увидели в научном коммунизме непосредственную антитезу американской идее «свободного предпринимательства», а в экономических, социальных, научно-технических успехах Советского Союза, в становлении и развитии мировой социалистической системы — самое главное препятствие на пути к осуществлению «глобальной миссии» США. Поэтому борьба за оттеснение СССР с завоеванных им позиций, за ликвидацию образовавшейся мировой социалистической системы преломилась в идеологическом плане как «крестовый поход» США против коммунизма.

При этом, не веря в экономические возможности социалистической системы, не желая задумываться над уроками истории и уже определенной исторической перспективой, американские правящие круги не допускали даже и мысли, что СССР сможет в обозримом будущем бросить США сколько-нибудь реальный экономический и научно-технический вызов. Напротив, они были убеждены, что экономическая сила даст США возможность вовлечь в орбиту их контроля и Советский Союз путем навязывания ему политически обусловленной экономической помощи и шантажа «с позиции силы». Как впоследствии тонко заметила одна американская исследовательница, лидеры США в то время считали, что только они владеют «главным орудием деструкции — атомной бомбой — и главным орудием реконструкции — таким богатством, каким до этого не обладала никакая страна»³.

По замыслу деятелей, пришедших к власти после смерти Ф. Д. Рузвельта, военное и политико-психологическое давление США на СССР должно было подкрепляться военным «сдерживанием», которое понималось отнюдь не как способ сохранения статус-кво, а как политика, призванная не позволить Советскому Союзу препятствовать «расширению американской границы». Применительно к Европе этот курс означал стремление изменить в пользу США и мирового капитализма сложившееся положение, а в глобальном масштабе — установить американскую экономическую и военную гегемонию. Стратегия «сдерживания», как полагали ее творцы, должна была привести и к «внутренней трансформации» — перерождению «ослабленного войной советского строя» под влиянием давления извне. Один из авторов этой стратегии — Дж. Кеннан утверждал, что нагнетание напряженности вокруг СССР и поощрение враждебных ему тенденций «должны в конце концов найти выход либо в распаде, либо в постепенном размягчении Советской

³ J. P. Nichols. Dollar Strength as a Liability in United States Diplomacy. «Proceedings of the American Philosophical Society». Vol. III (February 17, 1967), p. 47.

власти»⁴. Главной и фактически единственной силой, которая якобы могла и «должна была» осуществить такое давление, оказывались США, поскольку во всем остальном капиталистическом мире образовался, по представлению Вашингтона, «вакуум силы». Еще в 1945 г. американский стратег-теоретик Р. Страус-Хюпе (ныне посол США в Швеции) пришел к выводу, что Великобритания не является самостоятельной силой в послевоенном мире, который стал «биполярным»⁵. «Биполярность» эта проистекала, однако, не только из факта ослабления ряда капиталистических государств. В условиях начавшейся научно-технической революции лишь две страны — США и СССР — обладали необходимыми ресурсами, позволяющими в полном объеме реализовать возможности, открываемые наукой.

Но «биполярность» мира означала, что США уже не могут использовать традиционный механизм «баланса сил» на евразийском континенте. Это, на взгляд лидеров Вашингтона, явилось наиважнейшим изменением в мировой стратегической ситуации. С одной стороны, теория «биполярной конфронтации» устраивала руководителей США, поскольку постулировала устранение независимых и самостоятельных американских оппонентов и конкурентов («центров силы») в «западном мире». Но с другой — она требовала от США гораздо большего напряжения сил в борьбе с СССР. Поэтому с самого начала одной из стратегических целей США стало восстановление (но уже под американским контролем) антисоветского «баланса сил» в Европе, а по возможности и в Азии, с тем чтобы заполучить большую «свободу рук» для действий на мировой арене. Этой задаче и были подчинены два основных послевоенных американских мероприятия в Западной Европе: «план Маршалла» и Североатлантический союз. Эту же цель на южном фланге СССР преследовала «доктрина Трумэна».

Авторы стратегии «сдерживания» стремились как бы провести во круг СССР своеобразную «красную черту», призванную обозначить американский «периметр обороны». Страны и народы, находящиеся внутри этого последнего, считались автоматически входящими в сферу влияния США и лишеными прав на какие-либо социально-политические изменения в своем внутреннем образе жизни без санкции Вашингтона (и подобную позицию США избрали в условиях развертывания антиколониальной революции!). Создавая «периметр обороны», США опоясали социалистические страны кольцом военных баз.

Трумэн, Маршалл, Ачесон, Кеннан и другие тогдашние творцы американской внешней политики не исключали в принципе переговоров с Советским Союзом, поскольку подобный отказ априори ослабил бы позиции американского правительства внутри собственной страны. Однако непременным предварительным условием для переговоров с СССР считалось создание «ситуаций силы», что на деле было равнозначно полному отказу от курса на равноправие и, следовательно, на результативные переговоры и политическое урегулирование спорных проблем⁶. «Ситуации силы» должны были создаваться путем комплексного использования Соединенными Штатами всех видов вооруженных сил при ускоренном наращивании воздушно-атомной мощи как основы всего их военного комплекса. Тот факт, что в результате войны США не только превратились в «первую» державу в мире с точки зрения эконо-

⁴ Х. [G. Kennan]. The Sources of Soviet Conduct. «Foreign Affairs», July 1947. Цит. по: G. F. Kennan. American Diplomacy 1900—1950. L. 1952, p. 124.

⁵ «Британия может надеяться играть в мировой политике и торговле лишь роль «блестящего второго» по отношению к США. Мирровая система, таким образом, будет биполярной, а не трехсторонней» (R. Straus-Hupe. The Balance of Tomorrow. The Reappraisal of Basic Trends in World Politics. Philadelphia. 1945, p. 36).

⁶ См. N. Graebner. Europe and the Superpowers. «Current History», April 1973, p. 146.

номического потенциала, но и стали обладать ядерным — «абсолютным» — оружием, поставил США, по мнению американских политиков, в исключительное положение, дававшее им, как они полагали, возможность осуществлять переустройство мира в соответствии со своими взглядами и интересами. В документе комитета начальников штабов (КНШ), направленном государственному секретарю 29 марта 1946 г., подчеркивалось: «Необходимо все время помнить об одном из фундаментальных оснований национальной силы и престижа, а именно о способности поддерживать силой политику и обязательства нашей страны»⁷.

О том, каковы были главные официальные установки военно-политической стратегии США первого послевоенного периода, дает представление документ, озаглавленный «Основа для формулирования военной политики США», одобренный КНШ 19 сентября 1945 г. и направленный президенту⁸. Документ КНШ проводил мысль о том, что одной из главных задач внешней политики США становится функция международного полицейского — «поддержание международного мира в условиях, которые обеспечивают безопасность, благосостояние и продвижение вперед нашей страны». Ради этих целей, подчеркивалось в документе, США должны сохранять «подавляюще мощные вооруженные силы во время мира». Эти силы должны быть в состоянии сделать «неразумным для любой крупной агрессивной нации начать большую войну вопреки воле США» (весьма важно — войну не против США, а именно «вопреки воле США!»). Итак, речь шла о том, что США утверждали себя в роли глобального военного гегемона, санкционирующего «мировой порядок»! Соответственно они должны были располагать мощностью, которая позволила бы им выполнять подобного рода задачи единолично — «без непосредственной или существенной поддержки со стороны других стран».

Такая постановка вопроса означала разрыв с традиционной ролью США как «решающего довеска» в заморском «балансе сил» и свидетельствовала о принятии ими на себя функций главной силы капиталистического лагеря. Нетрудно понять, что «абсолютная военная безопасность» США могла быть достигнута лишь на основе создания ситуации «абсолютной небезопасности» для всех других государств. А отсюда вытекало, что Вашингтон стремился обеспечить решение таких задач в области военного строительства, которые бы по крайней мере на порядок превышали программы других стран. Поскольку США явно не могли рассчитывать сохранить такой разрыв по отношению к другим странам, в частности к СССР, путем простого состязания в наращивании количества вооружений и вооруженных сил, то речь шла о том, чтобы добиться качественного отрыва США. А это могло быть сделано, как считали в Вашингтоне, в первую очередь и главным образом путем закрепления американской монополии на «абсолютное» (то есть атомное) оружие.

Ставка на сохранение ядерной монополии как важнейшая составная часть стратегии «сдерживания». В совершенно секретном меморандуме КНШ от 23 января 1946 г. в разделе «Рекомендации» говорилось: «Производство атомной энергии любой нацией для промышленного и научного использования приблизит эту нацию к получению непосредственной способности производства атомной бомбы... Пока все еще не видно никакой реалистической системы инспекции и контроля, которая создавала бы гарантии против производства атомных бомб для

⁷ «Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1946». Vol. I. «General. United Nations». Washington. 1972. p. 1166.

⁸ Впервые опубликован правительством США в 1972 г. в серии материалов о внешних отношениях США в 1946 году. Документ был разослан заинтересованным лицам 27 марта 1946 г. с грифом «совершенно секретно» (см. «FRUS. 1946». Vol. I, pp. 1160 — 1165).

военных целей в стране, которая владеет такими способностями... атомное оружие может с наибольшей эффективностью использоваться против высокоразвитых держав, имеющих концентрированную промышленность... США являются такой страной. Следовательно, в интересах Соединенных Штатов принять на себя активное руководство в установлении международных средств контроля за ядерным оружием. Пока Соединенные Штаты являются единственной страной, фактически обладающей атомными бомбами, наиболее далеко продвинувшейся в области атомной энергии, они располагают выдающейся позицией для осуществления такого руководства. Эта превосходящая позиция постепенно исчезнет с течением времени. Поэтому должны быть приняты все возможные действия под руководством Соединенных Штатов до того, как другие нации создадут свое собственное ядерное оружие»⁹. Яснее, кажется, трудно поставить задачу!

Американские специалисты считали (и справедливо), что в СССР ведутся соответствующие работы и что сам принцип атомной бомбы не представляет для советских ученых тайны. Вместе с тем они (основываясь на трудном опыте создания атомной бомбы в США) полагали, что секретом атомной бомбы является не принцип ее конструкции, а технология, в первую очередь технология обогащения природного урана. Поэтому в приложении к цитированному выше меморандуму КНШ от 23 января 1946 г. задача политики США была сформулирована следующим образом: поставить под американский контроль основные источники урановой руды и сделать невозможным получение каким-либо государством, в первую очередь Советским Союзом, американской атомной технологии в полном ее объеме, увековечив тем самым атомную монополию США¹⁰.

Эти соображения и легли в основу американского плана так называемого международного контроля над атомной энергией (фактически нацеленного на закрепление американской монополии на атомное оружие). Этот план, известный как «план Баруха»¹¹, был внесен США на рассмотрение Комиссии ООН по контролю над атомной энергией летом 1946 года. В 70-х годах в печати США появились кое-какие документы американского правительства, фигурировавшие в 1945 и 1946 гг. под рубрикой «секретных» и «совершенно секретных», которые проливают дополнительный свет на мотивы и расчеты США при выдвигании этого плана. И хотя большинство из этих документов напечатано в сокращенном виде, с существенными купюрами, они полностью подтверждают мнение советских ученых о том, что «план Баруха» был ловушкой, в которую тогдашние американские руководители пытались завлечь все страны мира, чтобы распоряжаться их судьбами. В первую очередь это относилось к Советскому Союзу.

Американские военные, да и политические лидеры единодушно отвергали предложения тех «идеалистов», которые доказывали, что США вполне могли бы реализовывать «план Баруха» и без СССР, поставляя секреты мирной атомной технологии тем государствам, которые согласятся принять его условия. Например, посол США в Москве генерал У. Б. Смит в шифровке в госдепартамент от 19 ноября 1946 г. высказал

⁹ «FRUS. 1946». Vol. I, p. 739.

¹⁰ Ibid., pp. 742—743.

¹¹ О «плане Баруха» и скрытых эгоистических мотивах и расчетах правящих кругов США, связанных с ним, см., в частности: М. И. Рубинштейн. Провал авантюристической атомной дипломатии американских империалистов. М. 1950; В. А. Тарасенко. Атомная проблема во внешней политике США (1945—1949 гг.). Киев. 1958; А. И. Игнатов. Атомная проблема и политика США. М. 1960; О. В. Богданов. Всеобщее и полное разоружение (международно-правовые вопросы). М. 1964; В. М. Хайцман. СССР и проблема разоружения. 1945—1959. История международных переговоров. М. 1970.

мысль о том, что США должны передавать атомные секреты тем нациям, «которые проявляют готовность добросовестно принять меры по контролю, предложенные нами, и сотрудничать в их осуществлении»¹². Комментируя эту телеграмму для руководства европейского отдела госдепартамента, специальный помощник госсекретаря Ч. Болен подчеркнул, что он не согласен с тезисом Смита: «Чистым конечным результатом могло бы быть размывание нашего преимущества как владельцев атомной бомбы без какой бы то ни было ощутимой выгоды, если Советы останутся вне его»¹³. Этот комментарий Болену лишний раз подтверждает вывод о том, что «план Баруха» представлял собой лишь ловушку для Советского Союза.

На бесконечных совещаниях у Б. Баруха (крупного американского финансиста, являвшегося в то время представителем США в Комиссии ООН по контролю над атомной энергией), государственного секретаря Д. Бирнса, его заместителя Д. Ачесона, в различных совещательных и межведомственных комитетах снова и снова дебатировался вопрос: «Что сказать русским, когда они спросят о том, что США должны делать с наличным запасом своих атомных бомб?» Большая часть участников внутренних дискуссий стремилась уйти от ответа на этот вопрос или отделаться предложением какой-либо демагогической схемы, являвшейся не решением, а лишь затуманиванием вопроса. И лишь военные (которым в конечном итоге принадлежало решающее слово) отвечали однозначно, без обиняков: США ни при каких условиях не должны отказываться от ядерного оружия! Вопрос фактически ставился так: либо другие государства принимают американский план, проводят его в деталях, оставляя за США при этом «опеку» над ядерным оружием, и тогда вся проблема решается «мирным путем», либо же в случае, если создадутся какие-то заминки в осуществлении указанного плана, США используют атомную войну для того, чтобы обеспечить его претворение в жизнь! Контрдействия против государств, не соблюдающих полностью соглашения, «по всей вероятности, означали бы, что мир оказался бы ввергнутым в атомную войну,— признавалось в цитированном выше меморандуме.— Тем не менее такая система представляется жизненно необходимой»¹⁴.

Более того, выясняется, что многие в США альтернативой принятию «плана Баруха» считали атомную бомбардировку СССР, с помощью которой они хотели реализовать все ту же цель: не допустить создания Советским Союзом ядерного оружия, одновременно сохранив последнее в арсенале США. В уже упоминавшемся документе КНШ от 19 сентября 1945 г. вопрос о превентивной войне ставился без обиняков. В качестве средства «обеспечения безопасности», говорилось в нем, Соединенные Штаты должны обладать «готовностью и решимостью предпринять быстрые и эффективные военные действия за границей с целью упреждения и предотвращения нападения...». «Наше правительство... должно оказывать давление, чтобы спорный вопрос был быстро разрешен политическими средствами, в то же время осуществляя все приготовления для того, чтобы при необходимости нанести первый удар»¹⁵.

Поскольку руководители военного комплекса США вынуждены были в те годы учитывать ограниченность американского арсенала атомного оружия, они исходили из того, что «первый удар» сам по себе не приведет к поражению Советского Союза. Однако они надеялись, что он ослабит СССР настолько, что это существенно повысит шансы

¹² «FRUS, 1946». Vol. I, p. 1018.

¹³ Ibid., p. 1104.

¹⁴ Ibid., p. 747.

¹⁵ Ibid., pp. 1162—1163.

на последующую победу в наземной войне против СССР вооруженных сил США, действующих с территории Европы вкупе со своими западно-европейскими союзниками. В конце концов, однако, трезвый расчет привел американских стратегов к выводу, что использование США их ограниченного запаса атомных бомб не обеспечит «окончательное военное поражение» СССР. В то же время существующий в Европе «баланс сил» наверняка резко изменился бы в пользу СССР, поскольку последний в порядке самозащиты вынужден был бы ликвидировать американские передовые укрепления в Западной Европе (которые и должны были служить основными плацдармами для нападения на СССР) и тем самым заполнил бы «западноевропейский вакуум силы», что рассчитывали сделать сами США¹⁶. Это соображение в числе прочих побудило Вашингтон в 1946—1950 гг. воздержаться от использования превентивной войны против СССР.

Появление у СССР в 1949 г. собственного ядерного оружия заставило вашингтонских стратегов изменить свои планы и отложить «пробу сил» до той поры, когда США смогут достичь резкого качественного перевеса сил в свою пользу. Создать такой перевес новое американское руководство, пришедшее к власти в 1953 г., надеялось главным образом путем ускорения работ по созданию водородного оружия («сверхбомбы»). Кроме того, в решении, утвержденном Советом национальной безопасности (СНБ) США еще 1 октября 1951 г., устанавливались уровни трех видов вооруженных сил, которые должны были быть достигнуты в 1954 бюджетном году: 21 дивизия для армии, 409 крупных боевых кораблей для ВМС, 3 дивизии и 3 авиакорпуса для корпуса морской пехоты и 143 авиакорпуса («крыла» — по американской терминологии) для ВВС США. «Эти силы представляли относительно небольшое увеличение в процентном отношении армии, ВМС и морской пехоты, но означали расширение ВВС более чем в два раза»¹⁷.

В соответствии с решением СНБ вооруженным силам США были переданы в 1954 г. реактивный межконтинентальный бомбардировщик В-52 (в дополнение к среднему реактивному бомбардировщику В-47, поступившему на вооружение в конце 40-х годов) и сверхзвуковой тяжёлый бомбардировщик В-58 (сконструированный в начале 50-х годов). В целом на вооружении США к середине 50-х годов имелось около тысячи бомбардировщиков среднего и дальнего радиуса действия, размещенных в США и на 200 авиационных базах, расположенных по периметру Советского Союза (не считая самолетов тактической авиации в Европе и на Дальнем Востоке, также способных нести ядерное оружие)¹⁸. Была развернута обширная программа строительства авиабаз в Арктике, принят на вооружение ряд управляемых самолетов-снарядов, способных нести ядерные боезаряды («Снарк», «Матадор»), начаты работы над различными видами ракетного оружия. Правительство Эйзенхауэра в первый же год своего пребывания у власти приняло ряд новых решений в области стратегического строительства, и среди них — об интенсификации работ по созданию баллистических ракет дальнего радиуса действия. В 1956—1962 гг. на программу строи-

¹⁶ Даже в условиях атомной монополии США использование ими своего запаса атомных бомб против СССР не спасло бы Западную Европу, констатирует один из ведущих исследователей европейской стратегии США, Р. Осгуд. «Всеобщим предположением было то, что Европа (по крайней мере до Пиренеев) в любом случае была бы быстро захвачена» (R. E. Osgood. NATO. The Entangling Alliance. Chicago—L.—Toronto. 1962, p. 291).

¹⁷ «Air Power and National Security». Ed by R. Strausz-Hupé and S. T. Possony. «The Annals of the American Academy of Political and Social Science». Vol. 299, May 1955, p. 70.

¹⁸ Ibid., p. 49.

тельства стратегических сил США («Программу № 1») ежегодно выделялось в среднем 18 млрд. долл. (в ценах 1974 г.)¹⁹.

Хотя правительству США было известно о том, что СССР идет опережающими темпами в деле как создания термоядерного оружия, так и конструирования крупных баллистических ракет, американские руководители, ослепленные идеей «технологического превосходства своей страны», не сомневались, что Соединенные Штаты, учитывая размеры государственных вложений в авиационно-ракетную промышленность, смогут намного опередить СССР и обеспечить себе «безусловное превосходство» в средствах ведения «большой войны». Так в начале 50-х годов на смену Трумэнской стратегии «сдерживания» (которая к тому же была дискредитирована провалом вооруженной интервенции США в Корею) пришла стратегия «массированного возмездия».

Стратегия «массированного возмездия». Первоначальные наброски ее были сделаны еще в ходе второй мировой войны генералами Г. Арнольдом, А. Икером, известным авиаконструктором А. Северским и другими. После окончания войны командующий американскими ВВС генерал К. Спаатс в статье, опубликованной в журнале «Foreign Affairs» весной 1946 г., развил основные элементы будущей американской стратегической доктрины, ориентированной на массированное использование атомного оружия с помощью авиации. «Следующая война, — подчеркивал Спаатс, возрождая концепцию итальянского генерала Д. Дуэ, — сколь бы отдаленной в будущем она ни была, по всей вероятности, будет решена какой-то формой воздушной мощи прежде, чем силы, действующие на поверхности, будут в состоянии установить контакт с врагом в крупных битвах. Это является высшим военным уроком нашего периода истории»²⁰.

О превращении концепции «массированного возмездия» в государственную военно-политическую стратегию США объявил государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес в своем выступлении 12 января 1954 г. перед Советом по международным отношениям (влиятельной организацией американской политической элиты, созданной для анализа внешнеполитических проблем). Оно было своего рода обоснованием общей концепции использования военной силы. Решение о выборе стратегии «массированного возмездия» представляло собой итог многомесячного обсуждения различных «альтернативных вариантов» стратегических курсов, происходившего в высших правительственных сферах США после прихода к власти правительства республиканцев в январе 1953 года.

Подчеркнув двухпартийный характер американской внешней политики и одновременно подвергнув критике стратегию правительства Трумэна как всего лишь серию недальновидных, недолгосрочных, уступающих инициативу противнику «аварийных мероприятий», Даллес заявил, что негативными моментами предыдущей американской стратегии были: «постоянное размещение сухопутных сил США в Азии в таких размерах, что это лишает нас какого бы то ни было стратегического резерва»; «постоянная поддержка других стран, что в конечном итоге порождает столько же недоброжелательности, сколько и благожелательности»; колоссальные военные расходы, которые могут привести к «практическому банкротству». По мнению Даллеса, необходимы были перемены, которые должны укрепить и в то же время удешевить связи США с их союзниками. В этом плане «самым основным явилось решение полагаться главным образом на большую способность мгновенно нанести ответный удар средствами и в местах по нашему собст-

¹⁹ «Aviation Week and Space Technology». Vol. 102, № 7, February 17, 1975, p. 40.

²⁰ См. C. Spaatz. Strategic Air Power. Fulfilment of a Concept. «Foreign Affairs», Vol. 24, № 3, April 1946, p. 395.

венному выбору. Теперь министерство обороны и комитет начальников штабов могут формировать наш военный комплекс так, чтобы он соответствовал нашей политике, вместо того, чтобы пытаться быть готовыми отвечать на многочисленные варианты врага. Это позволяет осуществить выбор среди военных средств вместо простого умножения средств»²¹. Вся мировая печать единодушно расценила это выступление как воинственное, по сути дела, поджигательское, а объявленную Даллесом стратегию — как проявление авантюризма.

Выдвигая новую доктрину, Вашингтон рассчитывал на то, что завышение им «ставок» в военно-психологической конфронтации может заставить Советский Союз пойти на односторонние уступки Соединенным Штатам по спорным проблемам, а как максимум — поведет к «сужению сферы социализма» и все той же желанной «трансформации» внутреннего строя в СССР (на что делали ставку и творцы доктрины «сдерживания»). Однако, как показали последующие события, США не удалось превратить свое временное превосходство в стратегических средствах доставки ядерного оружия в какие-либо осязаемые политико-дипломатические успехи, не говоря уже о возможностях прямых военных действий. Напротив, как отметили известные американские журналисты Р. Драммонд и Г. Кобленц в своей биографии Д. Ф. Даллеса, «совокупный сдвиг в балансе сил против США стал доминирующим, трагическим фактом даллесовской эры»²². Появление на вооружении у СССР межконтинентального бомбардировщика подорвало основную установку, на которой базировалась американская стратегия «массированного возмездия», — убеждение в односторонности, безнаказанности такого рода «возмездия», в том, что США даже в случае атомного нападения на СССР не подвергнутся такому же ответному удару. Крушение этой посылки означало, что концепция «массированного возмездия», выдвигавшаяся республиканским руководством в качестве «новой и победоносной» стратегии, фактически обанкротилась уже в момент ее провозглашения²³.

Вместе с крушением стратегии «массированного возмездия» рухнул и неизоляционистский миф об «американском Гибралтаре», то есть об американской неуязвимости и исключительности их стратегического положения. На парижской сессии совета НАТО в декабре 1957 г. американские представители были вынуждены вымалывать у своих европейских партнеров согласие на предоставление США на европейском континенте новых баз для ракет среднего радиуса действия. Таким путем, а также за счет размещения в Западной Европе дополнительного запаса американских атомных бомб правительство США пыталось в пожарном порядке улучшить американские позиции в изменившемся балансе сил.

Не удалось Вашингтону использовать стратегию «массированного возмездия» и в ее политико-психологическом — блефовом — аспекте с целью нажима на оппонентов «с позиции силы». А на этот аспект вашингтонские политики делали чуть ли не основную ставку, в особенности после того, как обнаружилось, что возможности реального использования авиационно-атомного оружия против СССР сведены на нет советскими успехами в стратегическом строительстве. Американское руководство выступало с непомерными угрозами и еще более непомерными целями («отбрасывание социализма!»), которые совершенно не соответствовали ни фактическим возможностям США, ни представле-

²¹ «The Department of State Bulletin», January 25, 1954, pp. 107—108.

²² R. Drummond and G. Coblenz. *Duel at the Brink. John Foster Dulles' Command of American Power*. L. 1961, p. 158.

²³ «Июльский советский авиационный парад 1955 г. ... в значительной степени повлиял на западную оценку стратегического баланса в двухлетний период до того, как СССР испытал свою первую межконтинентальную баллистическую ракету», — констатируют эксперты «РЭНД корпорейшн» А. Горелик и М. Русш (A. Horelick and M. Russh. *Strategic Power and Soviet Foreign Policy*. Chicago — L. 1966, p. 28).

ниям о них со стороны «людей, способных реалистически оценивать как существо назревших международных проблем, так и действительное соотношение сил и факторов, определяющих международную обстановку»²⁴.

Несомненно, самое сильное психологическое воздействие в 50-е годы, имевшее глобальный резонанс и самым непосредственным образом относившееся к вопросу о возможностях США добиться политических преимуществ с помощью угрозы «массированного возмездия», было оказано запуском советского искусственного спутника Земли. Создалось совершенно парадоксальное положение: в то время как руководители США угрожали «мгновенным массированным возмездием», наиболее эффективное средство быстрой доставки ядерных боезарядов на стратегические расстояния — межконтинентальная баллистическая ракета — появилось на вооружении Советского Союза! Запуск советского спутника свидетельствовал не только о выравнивании стратегического баланса между США и СССР (или, как тогда говорили американцы, о ракетном отставании США от СССР). Основным для американского политического и научного руководства и специалистов в области стратегии было крушение мифа об органическом и «неискоренимом» научно-техническом отставании СССР от США. В качестве первой из «основополагающих предпосылок американской военной и внешней политики», ставшей недействительной благодаря советским успехам в ракетной технике, сенатор Дж. Кеннеди назвал в своем нашумевшем выступлении в конгрессе 14 августа 1958 г. посылку о том, что «американское оружие и наука превосходят любое другое оружие и любую другую науку в мире»²⁵.

Это событие, помимо всех других аспектов влияния, аннулировало для Даллеса и его коллег возможность превратить реально складывавшуюся ситуацию «ядерного взаимосдерживания» в ситуацию «ядерного устрашения» Соединенными Штатами Советского Союза и сделало «ужасную» позицию США неубедительной, если не сказать несерьезной, не только для всего остального мира, но и для многих трезвомыслящих людей в самом американском руководстве. Об этом, хотя и несколько туманно, пишет и Д. Эйзенхауэр, отмечая в своих мемуарах, что «спутник обнаружил психологическую уязвимость нашего народа... Советские искусственные спутники были подлинным техническим триумфом, но этот триумф был превзойден их пропагандистской ценностью»²⁶. Осознание республиканским правительством реальных изменений в мировом балансе сил привело политиков США за стол мирных переговоров с руководителями СССР по широкому кругу проблем.

Однако, идя на переговоры с СССР, тогдашние лидеры США надеялись добиться за столом переговоров того, чего они не смогли добиться, «балансируя на грани войны». Такой подход предопределил незначительность конкретных результатов советско-американских встреч на высшем уровне, состоявшихся в 50-е годы. Эти контакты создавали лишь кратковременные улучшения в международной атмосфере («дух Женевы», «дух Кэмп-Дэвида»), но не повели к сколько-нибудь фундаментальному повороту в сторону мирного сосуществования между двумя державами. Философия давления на СССР «с позиции силы» сделала невозможным в то время налаживание конструктивного и равноправного сотрудничества между двумя странами.

Стратегия «гибкого реагирования». Задачу приведения стратегической теории и практики США в большее соответствие с реальностями

²⁴ «Правда», 25.IV.1953.

²⁵ J. F. Kennedy. The Strategy of Peace. L. 1960, p. 39.

²⁶ D. D. Eisenhower, The White House Years. Waging Peace 1956—1961. N. 7. 1965, p. 226.

международной обстановки взяло на себя правительство президента Дж. Кеннеди, пришедшее к власти в январе 1961 года. Это правительство заменило обанкротившуюся стратегию «массированного возмездия» стратегией «гибкого реагирования», которая представляла собой синтез всех основных стратегических концепций, имевших хождение в США после второй мировой войны, синтез, сделанный на основе более реалистической оценки соотношения сил между социализмом и капитализмом, СССР и США.

Основным новым фактором ситуации, как это понимали американские руководители, явилось обретение Советским Союзом способности к сокрушительному ответному ядерному удару по Соединенным Штатам в случае их нападения на СССР. Советская мощь в области новейшего стратегического оружия стала настоящим противовесом соответствующей мощи США. В этих условиях американские лидеры пришли к выводу, что прямой ракетно-ядерный удар или угроза такого удара по СССР не могут более рассматриваться в качестве реальной военно-политической цели. В силу этого не только прямая атака на СССР, но и любая война мирового масштаба уже не отвечает интересам США, поскольку такого рода война неминуемо вела бы к военному столкновению США с СССР, ставшему нежелательным для американского империализма в условиях нового соотношения сил. «Ни США, ни СССР не желают ядерной войны,— говорил Дж. Кеннеди.— Ни одна из сторон не хочет зажигать пожар, который может уничтожить цивилизацию, как мы ее понимаем, прежде чем пламя этого пожара будет в конце концов потушено,— начинать войну, которая не оставит в целостности и сохранности один Рим, но приведет к уничтожению двух Карфагенов и отбросит по самой меньшей мере на поколение или больше усилия обеих стран в деле осуществления экономического, социального и культурного прогресса»²⁷.

По мнению Кеннеди, министра обороны Р. Макнамары и их советников, вероятность возникновения «центральной войны» (то есть войны против «главного противника») могла быть понижена прежде всего путем проведения более или менее четкой границы между «большой» (ядерной) и «малой» (неядерной) войнами. Начиная со второй половины 60-х годов в официальных заявлениях американского руководства стала все больше подчеркиваться «сдерживающая» функция стратегических сил США, предназначенных-де лишь для нанесения «неприемлемого ущерба» потенциальному противнику в случае его ракетно-ядерного нападения на США. К концепции «второго (ответного) удара» американские лидеры пришли под влиянием реалистического анализа стратегического потенциала СССР, убедившись в том, что между США и СССР начал складываться стратегический паритет. Р. Макнамара объяснял, что целесообразность принятия позиции готовности ко «второму, или ответному, удару» диктуется тем обстоятельством, что США не имеют ракетно-ядерных сил, достаточных для полного «первого удара» по СССР, то есть такого удара, который бы обезоружил СССР настолько, что его ответный удар по США оказался бы для них «приемлемым» (переносимым). «Мы не обладаем способностью к первому удару против СССР,— говорил Макнамара,— по той же самой причине, по которой он не обладает такой способностью против нас. Очень просто: обе наши страны укрепили способность ко второму удару — фактически силы возмездия — в такой степени, что способность к первому удару стала недосягаемой ни для одной из сторон... Как Советский Союз, так и Соединенные Штаты обладают ныне фактической, не вызывающей сомнения способностью ко второму удару друг против друга, и именно эта взаимная способность и является для обеих наших стран самой силь-

²⁷ J. F. Kennedy. Op. cit., p. 12.

ной из всех возможных побудительных причин к тому, чтобы избежать ядерной войны»²⁸.

Однако, выдвигая в качестве официальной стратегии США «сдерживание» путем обеспечения способности к «гарантированному ответному удару», правительства демократов в 1961—1968 гг. на практике в своем военном строительстве стремились все же извлечь определенные преимущества в отношении СССР за счет создания «ограниченной контрсилового способности», то есть способности к первому удару по военным объектам другой стороны. Такую способность, по мысли американских теоретиков, США должны были получить в результате накопления большого числа стратегических боеприпасов, обеспеченных средствами доставки к целям. Будучи явно избыточным для нанесения «второго удара», колоссальное число стратегических ядерных боезарядов, к накоплению которых стремились США, дало бы им, как надеялись в Вашингтоне, возможность грозить оппоненту также и первым ударом и извлекать из такой «позиции силы» если не военный, то по крайней мере политико-дипломатический выигрыш.

Общие итоги реализации макнамаровской программы строительства вооружений могут быть охарактеризованы следующими данными²⁹:

	1961 г.	1968 г.
Межконтинентальные баллистические ракеты (МБР)	28	1 054
Баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ)	80	656
Стратегические бомбардировщики	1 654*	648
Средства доставки стратегических ядерных зарядов**	1 762	2 358
Дивизии армии и морской пехоты	14	24
Авиакрылья ВВС, ВМС и морской пехоты	40	46
Корабли ВМФ	819	932
Торпедные атомные подводные лодки	13	33
Численность регулярных вооруженных сил (млн. чел.)	2,5	3,5

* Включая средние бомбардировщики передового базирования.

** Под средствами доставки к целям стратегических ядерных зарядов подразумеваются МБР, БРПЛ и стратегические бомбардировщики.

Сейчас — в середине 70-х годов — уже нет никакого сомнения в том, что именно такова была истинная стратегическая установка администраций демократов в 60-е годы. Объясняя конгрессменам пентагоновские мотивировки 60-х годов, легшие в основу структуры стратегических сил США, сложившейся в 70-е годы, министр обороны США Дж. Шлесинджер говорил в своем докладе о проекте военных ассигнований на 1975 финансовый год: «Мы были склонны рассматривать набор угроз и возможных нападений на наши стратегические силы в широком диапазоне, и мы пытались сделать так, чтобы эти силы были эффективными даже после того, как они подвергнутся нападению со стороны

²⁸ R. S. McNamara. The Essence of Security. Reflections in Office. N. Y.—Evanston—L. 1968, pp. 55—56.

²⁹ «Report of the Secretary of Defense James R. Schlesinger to the Congress on the FY 1975 Defense Budget and FY 1975—1979 Defense Program. March 4, 1974». Washington, 1974, pp. 34—35.

угрожающих им высоких, но все же реалистически ограниченных средств... Мы пришли к нынешним размерам и соотношению отдельных компонентов наших стратегических наступательных сил не только потому, что мы хотели, чтобы конечная угроза массированного уничтожения была бы действительно гарантирована, но также и потому, что в течение более чем десятилетнего периода мы считали целесообразным примерять возможности наших сил к «угрозе большей, чем ожидаемая». Имея органическую избыточность боеголовок, порождаемую таким подходом к определению требуемых размеров наших сил, мы могли выделять дополнительные количества вооружений для действий против негородских целей и таким образом приобретать ограниченный набор вариантов, включая вариант атаки против некоторых сильно защищенных целей» (то есть военных объектов.— Г. Т.)³⁰.

В результате принятого в тот период американским руководством решения об оснащении всех стратегических носителей, а не только бомбардировщиков многозарядными системами реальное количество индивидуальных боеголовок, обеспеченных средствами доставки, должно было к середине 70-х годов в 4—5 раз превысить число носителей. Основными способами повышения многозарядности стратегических систем явились разработка и установка на бомбардировщики В-52 и ВВ-111 управляемых ракет класса «воздух—земля» и оснащение МБР и БРПЛ разделяющимися головными частями, содержащими несколько ядерных боеприпасов (от 3 до 14—на начало 70-х годов). С конца 50-х годов стратегические бомбардировщики типа В-52 несли каждый (помимо ядерных бомб) по два управляемых реактивных снаряда типа «Хаунд дог» с дальностью действия около 800 км и боезарядом в 4 мегатонны. Администрацией президента Джонсона было принято решение о создании новой ракеты класса «воздух—земля» (получившей название СРЭМ— по первым буквам английского слов «Short Range Attack Missile»). Каждый бомбардировщик В-52 может нести до 20 ракет СРЭМ. Ракета этого типа начала поступать на вооружение стратегической авиации США в 1973 г., имеет боеголовку мощностью около 200 килотонн, дальность действия— около 300 км и обладает изменяемыми профилями полета, в том числе способностью подлета к цели на малой высоте.

С начала 60-х годов в США в глубокой тайне начались работы над многозарядными (разделяющимися) головными частями для стратегических ракет, а с 1964 г. такие головные части стали поступать на вооружение стратегических сил. Сначала это были так называемые системы МРВ («Multiple Re-entry Vehicles») — рассеивающегося, или касетного, типа, устанавливавшиеся на ракеты «Поларис А-3», а с 1970 г.— системы МИРВ («Multiple Independently Targetable Re-entry Vehicles») — разделяющиеся головные части с индивидуальным наведением зарядов на цели для оснащения МБР «Минитмэн-3» и БРПЛ «Посейдон»³¹.

³⁰ M. Laird. Statement before the Senate Armed Services Committee on the FY 1973 Defense Budget and FY 1973—1977 Program. February 15, 1972. Washington. 1972; Ch. Schultze, E. Fried et al. Setting National Priorities. Washington. 1972.

³¹ Подавляющее большинство членов конгресса США в течение трех лет головало за выделение средств на эту программу, фактически не зная, о чем идет речь (см. «Американский милитаризм 1970». Пер. с англ. яз. М. 1972, стр. 137). Первое заявление о наличии у США боеголовок системы МИРВ было сделано Р. Макнамарой в интервью журналу «Life» от 29 сентября 1967 г., то есть спустя всего несколько дней после объявления им о решении развернуть в США систему противоракетной обороны — ПРО. «Мы считаем,— сказал Макнамара,— что «индивидуально нацеливаемые боезаряды» являются наилучшим единым мерлом относительной мощи сил, а не число ракет-носителей или бомбардировщиков, или же мегатонн. Мы находимся в большой опасности стать одержимыми мегатоннажем как мерой эффективности стратегических сил. Это неверная мера. Важно число целей, которые может уничтожить каждая из сторон, а не суммарный мегатоннаж, который каждая из сторон

Благодаря осуществлению названных решений США уже к 1972 г. обладали почти 6 тыс. стратегических ядерных зарядов, обеспеченных средствами доставки³². Подобная колоссальная избыточность фактического стратегического арсенала США (по сравнению с требуемой рациональной калькуляцией сохранения способности к ответному удару) не могла быть оправдана никакими аргументами о том, что она явилась результатом оценки способностей и намерений противника по «наихудшему» (для оценивающего) из всех возможных вариантов. Подобная позиция явно была направлена на создание у США в конечном итоге «контрсилевой» способности, то есть способности к подавлению военных целей путем первого удара. Вывод о подобной ориентации стратегического строительства в США подтверждается фактами о других аспектах стратегического строительства, осуществлявшихся правительством США в 60-е годы (помимо наращивания числа средств доставки и количества боеголовок). К такого рода аспектам в первую очередь относились: 1) необычайно большой упор на совершенствование систем гражданской противоракетной обороны; 2) объявленное в 1967 г. решение о развертывании так называемой «разреженной» общенациональной системы ПРО «Сентинел»; 3) усиленное развитие систем технической стратегической разведки, призванной повысить надежность определения военных целей, их координат и т. д.

Концепция «контрinsургенции». Если новый подход США к «большой войне» в начале 60-х годов свелся к тому, чтобы, так сказать, «военизировать войну», сделать ее более контролируемой, зарезервировав «массированное возмездие» (удар по населению) лишь «на самый крайний случай», то в подходе к «малой войне» наблюдалась противоположная тенденция к тому, чтобы «политизировать войну», превратив ее в комбинацию полувоенных операций с операциями психологического, экономического, административного и т. п. порядка. В основе этого стремления лежало желание сделать максимально невероятной эскалацию малого, периферийного конфликта в большой, ядерный, чреватый угрозой самим США. «Империализм США,— констатировало международное Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 г.,— вынужден учитывать сложившееся соотношение сил на международной арене, ядерный потенциал Советского Союза и возможные последствия ракетно-ядерной войны, ему становится все труднее, опаснее делать ставку на развязывание новой мировой войны. В этих условиях американские правящие круги, не отказываясь от подготовки к такой войне, особый упор делают на локальные войны»³³.

20 января 1961 г., будучи избранным на пост президента США, Кеннеди, как известно, дал торжественную публичную клятву, что США будут энергично продолжать выступать в роли мирового жандарма. «Пусть каждая страна знает,— заявил он,— добра ли она нам желает или зла, что мы заплатим любую цену, вынесем любое бремя, преодолеем любую трудность, поддержим любого друга и выступим против любого врага, чтобы обеспечить выживание и успех свободы»³⁴ (иначе говоря, успех порядков, угодных американскому империализму). В то же время Кеннеди вовсе не готов был идти действительно на крупный риск и на самом деле «платить любую цену» ради спасения тех или иных проамериканских марионеток, поддержания социального статус-

может доставить к целям». Цит. по: «Strategic and Foreign Policy Implications of ABM System. Hearings before the Subcommittee on International Organization and Disarmament Affairs of the Committee on Foreign Relations. U. S. Senate, 91st Congress, 1st Ses.». Washington, 1969, Pt. I, p. 420.

³² «The Defense Monitor», Vol. I, № 3, June 30, 1972, p. 1.

³³ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М. 1969, стр. 288.

³⁴ J. F. Kennedy. To Turn the Tide. L. 1962, p. 7.

кво, соответствующего интересам американского империализма в любой стране мира. Он был готов и хотел делать это отнюдь не любой, а лишь приемлемой для США ценой. По мнению Кеннеди и его «мозгового треста», эта цена не должна была быть большей, чем та, которую платили «отцы-основатели» и их сыновья, раздвигая западную границу США, очищая ее от «туземцев». Речь шла о возрождении «контрповстанческих» приемов действия американских землепроходцев.

Так в начале 60-х годов XX в. в США родилась теория и тактика «контринсургенции» — контрповстанческой борьбы, так сказать, псевдоповстанческими методами, но с использованием сверхсовременных средств военной техники³⁵. Эту стратегическую концепцию правительство Кеннеди и вознамерилось применить в Индокитае. Оно решило, как гласил заголовок первого собрания президентских речей Дж. Кеннеди, «повернуть вспять прилив» — силой добиться ликвидации национально-освободительного движения сначала в одной стране, потом — в другой и путем такого рода цепной реакции (в прямом и переносном смысле слова) «повернуть вспять коммунистический прилив не только в Южном Вьетнаме, но и во всей Юго-Восточной Азии и во всем мире в целом»³⁶.

Таким образом, в условиях, когда «большая война» стала для США нежелательной по причине уязвимости американской территории, концепция «контринсургенции» оказывалась их стратегией реального ведения войны, как бы включавшей в себя «гарантию» недопущения перерастания периферийного, мелкого конфликта в «центральный». Эту стратегию «контрзаговора» США применяли в ряде стран Латинской Америки (в сотрудничестве с местными реакционными режимами) для подавления отдельных вспышек недовольства населения и небольших партизанских движений. Однако когда США попытались применить ее для борьбы против массовых национально-освободительных движений (Лаос, Южный Вьетнам, Камбоджа), то потерпели полное фиаско.

Подоживая в 1968 г. «уроки Вьетнама», известный американский дипломат Ч. Йост (в 1961—1966 гг. — заместитель постоянного представителя США в ООН, а в 1969—1970 гг. — постоянный представитель) пессимистически констатировал: «Одним из уроков последних пятнадцати лет, наиболее явственно проявившимся во вьетнамской войне, является то, что способность даже сильнейшей державы эффективно вмешиваться в дела других государств оказалась разъеденной временем, пространством и историей... Самым решающим уроком Вьетнама, по-видимому, оказывается то, что независимо от того, какие силы могут применить США, они не смогут обеспечить безопасность страны, правительство которой неспособно мобилизовать и сохранять достаточную поддержку со стороны населения, с тем чтобы быть в состоянии справиться с восстанием... Если местные диссиденты, будь они коммунисты или некоммунисты, имеют они поддержку извне или нет, оказываются способными мобилизовать и обеспечивать более эффективную народную поддержку, чем существующее правительство, они в конце концов одержат верх. Соединенные Штаты не смогут помешать им, даже если захотят это сделать»³⁷. События в Индокитае весной 1975 г. полностью подтвердили этот вывод.

³⁵ Один из теоретиков «контринсургенции», Дж. Маккьюэн, подчеркивает, что эта стратегия «принимает принципы и стратегию революционной войны, но только в обратном смысле» (J. McCuen. *The Art of Counter-Revolutionary War*. L. 1966, pp. 77—78).

³⁶ Так писал о целях интервенции США в Индокитае — в унисон с (тогда уже покойным) Дж. Кеннеди — его политический противник и классовый единомышленник Р. Никсон («Reader's Digest», August 1964, p. 38).

³⁷ Ch. W. Yost. *World Order and American Responsibility*. «Foreign Affairs». Vol. 47, № 1, October 1968, pp. 1, 9—10.

Новые «стратегические реальности» 70-х годов. Рубеж 70-х годов явился как бы переломным для внешней политики США: послевоенный ее период начался с гегемонистских притязаний, содержащихся в глобальных американских планах и программах типа «плана Баруха», «доктрины Трумэна», «программы Трумэна», «плана Маршалла», а закончился бесславным поражением США в Индокитае. Большую половину этого периода Соединенные Штаты вели войны — корейскую и вьетнамскую (не говоря уже о ряде менее значительных интервенционистских акций). США оказались единственной крупной державой — участницей второй мировой войны, фактически так и не прекратившей воевать по ее окончании. Свыше 110 тыс. погибших и 200 млрд. долл. дополнительных (связанных с ведением боевых операций) млрд. расходов — вот во что обошлись США корейская и вьетнамская войны. И это не считая экономических потерь, морального ущерба, ухудшения политических позиций США в мире и т. д. Растрачивая силы и ресурсы на выполнение роли «мирового жандарма», Соединенные Штаты растеряли многие из тех «позиций силы» по отношению к своим капиталистическим партнерам-конкурентам, которыми они обладали в 40-х годах.

Удельный вес США
в экономике капиталистического мира³⁸
(в %)

Доля США	1950 г.	1970 г.
Промышленное производство	54,6	40,9
Общий экспорт	32,5*	15,5
Золотовалютные запасы (включая такие формы международной ликвидности, как резервные позиции в Международном валютном фонде, специальные права заимствования)	71,0**	15,8
Производство стали	57,5	29,5
Производство автомобилей	79,0	28,0
Производство пластмасс	67,0	31,4
Производство металлорежущих станков	53,2	30,3
Продукция нефтегазовой промышленности	73,0	39,2
Продукция горнорудной промышленности	29,3	22,8

* 1947 г.

** 1948 г.

В то время как американский империализм «защищал свободный мир» в Корее и Индокитае, в самих США произошло резкое обострение классовых, расовых и иных социальных антагонизмов. Напуганные размахом массовых выступлений, американские лидеры начали опасаться того, что «управление нашей страной... перейдет в руки улиц»³⁹, как выразился в одной из своих речей вице-президент США С. Агню. Пытаясь «отбросить» «коммунистическую волну» в Азии, американский империализм своей политикой «с позиции силы» породил колоссальный рост антиамериканизма в этом регионе, выражением чего явились раз-

³⁸ «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 9, стр. 57; 1971, № 10, стр. 154; 1973, № 2, стр. 156; «Соединенные Штаты Америки». М. 1972, стр. 318.

³⁹ «Congressional Record», March 13, 1970, p. S3676.

вал СЕАТО, усилившаяся критика действий Вашингтона со стороны Индии, Шри Ланка, Бирмы, Филиппин, Таиланда, Австралии и т. д. Поражение же США в Индокитае фактически привело к «цепной реакции» в том смысле, что страны Юго-Восточной Азии, а затем и всего азиатского региона стали все энергичнее ставить под вопрос целесообразность поддержания тесных военных связей с США, все более склоняться к проведению политики, не зависящей от Вашингтона. Наконец, направляя силы и средства на военную борьбу в Азии, Вашингтон все более пренебрегал отношениями со своими западноевропейскими партнерами и союзниками, стремившимися освободиться от опеки США. При этом они, как оказалось, не только бросили Соединенным Штатам экономический вызов, но подспудно все больше заменяли антисоветизм в качестве цемента «западноевропейской солидарности» антиамериканизмом. Таковы были некоторые важнейшие особенности «новой стратегической реальности», с которой США пришлось столкнуться на рубеже 70-х годов.

Однако самой главной особенностью этой новой реальности были дальнейшие существенные сдвиги в соотношении сил между капитализмом и социализмом, дальнейшее укрепление политических, военных и иных позиций Советского Союза. Выступая на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отмечал, что если в 1960 г. объем промышленного производства СССР составлял 55% от американского, то в 1968 г. — уже около 70%⁴⁰. Придя к власти в 1969 г., новый президент США Р. Никсон — представитель республиканской партии — вынужден был недвусмысленно констатировать тот факт, что стратегические ракетно-ядерные арсеналы США и СССР в общем и целом уравнились. «Разрыв ликвидирован, — заявил Никсон. — Его уже больше никогда не будет...»⁴¹. Это была уже иная, чем в 60-е годы, «стратегическая реальность», с которой правящие круги США не могли не считаться.

Переговоры: признание императива мирного сосуществования. Более взвешенная оценка возможностей военной силы в современную эпоху, военного потенциала США в условиях изменившегося соотношения сил на мировой арене, наконец, прагматический «национальный интерес» в недопущении всеобщей ядерной войны, чреватой угрозой самому существованию США, в конце концов привели их правящие круги к убеждению, что опора на силу не исключает, как считалось раньше, конструктивного диалога с «потенциальным противником».

Этот поворот во внешней политике США произошел не сразу, и его до сих пор нельзя считать полностью завершенным. Он был процессом эволюционным: накопление частичных изменений в политике в результате отдельных корректировок постепенно привело к более глубоким — качественным — сдвигам в политике Вашингтона. Уже 1955 год — год возобновления диалога с СССР на высшем уровне — можно рассматривать как одну из первых «вех» на этом мучительном для правящих кругов США пути постепенного осознания того, что их военная машина отнюдь не всемогуща. Начало 60-х годов — «эра Кеннеди» — дало новые свидетельства усиления реализма в американских правящих сферах. Это выразилось в готовности правительства США подписать международное соглашение о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах, а также в совместных шагах СССР и США в ООН, которые повели к разработке и заключению договора, запрещающего размещение в космосе и на небесных телах объектов, имеющих на борту ядерное и иное оружие массового уничтожения.

⁴⁰ См. Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М. 1970, стр. 405.

⁴¹ «The New York Times», 19.IV.1969.

Хотя администрация Кеннеди и прилагала огромные усилия по повышению эффективности военной силы США и возможностей ее использования (в основном на путях локальных «полувоенных» операций), «мозговой трест» президента понимал необходимость разработки универсального «кодекса поведения» на международной арене в ядерный век — кодекса, призванного снизить угрозу взаимного уничтожения. Порок в подходе американских администраций 60-х годов к этой проблеме состоял в том, что они пытались договариваться с «потенциальным противником» не о правилах и принципах предотвращения войны, а предлагали принять некие правила ее «джентльменского» ведения, что фактически означало попытку повысить возможность использования войны как средства политики. Естественно, что на этих путях США не могли договориться с Советским Союзом, выступающим не за «рационализацию» института войны, а за отказ от нее как орудия политики.

Тем не менее начало 60-х годов можно в известной мере считать еще одной важной вехой в процессе приспособления внешней политики США к изменениям на мировой арене. Размышляя над уроками карибского кризиса 1962 г., когда США и СССР, вставший на защиту героической Кубы, вплотную подошли к грани ядерной конфронтации, Кеннеди пришел к выводу о необходимости коренным образом изменить внешнеполитическую философию американского правительства, продолжавшего делать основную ставку на инструмент военной силы⁴². И хотя при администрации Джонсона в результате эскалации войны во Вьетнаме произошло ухудшение американо-советских отношений, тем не менее и эта администрация понимала необходимость переоценки с позиций реализма своего курса в отношении СССР. Джонсон усиленно стремился навести визит в СССР, и фактически еще при нем начались первые контакты между двумя странами по вопросу о возможности переговоров об ограничении стратегических вооружений двух стран.

Растущее понимание того, что в современных условиях не существует путей к миру, альтернативных курсу на мирное сосуществование, что обострение американо-советской конфронтации может привести лишь к непоправимой катастрофе, пробивало себе дорогу через лабиринт всяких иных предложений, которые, по мнению ряда теоретиков США, могли бы представлять собой «альтернативы» как нежелательному военному столкновению с СССР, так и неприемлемому (для этих деятелей) мирному сосуществованию. В связи с поисками этого «третьего пути» правящая элита США обсуждала пользовавшуюся одно время большой популярностью в кругах военно-промышленного комплекса идею о том, что Советский Союз можно «измотать» экономически, без непосредственной пробы военных сил, навязывая ему все более высокие темпы и масштабы гонки вооружений, заставляя его выделять на военные расходы такую же долю средств, какую выделяют на эти цели США. Американские эксперты явно недооценивали преимущества плановой социалистической экономики, способной к гораздо более эффективной мобилизации наличных ресурсов, чем государственно-монополистический капитализм США.

Летом 1969 г., вскоре после прихода к власти в США новой республиканской администрации, подкомиссия по вопросу об экономии в объединенной экономической комиссии конгресса (так называемая подкомиссия Проксмайра) провела специальные слушания по теме «Экономическая основа русского военного вызова Соединенным Штатам». На заседаниях подкомиссии специально был рассмотрен и вопрос о том, сможет ли СССР и дальше не отставать от США в области оборонных программ. Все, кто выступал с показаниями в этой подкомиссии, отве-

⁴² См. J. F. Kennedy. *The Burden and the Glory*. N. Y.—Evanston—L. 1964, p. 69.

тили на поставленный вопрос утвердительно. А выступали люди далеко не случайные, видные специалисты в области советской политики и военно-экономического потенциала СССР: М. Фейнсод — профессор-советолог Гарвардского университета, Т. Вольф — специалист по военному потенциалу СССР из «РЭНД корпорейшн», А. Бергсон — профессор экономики Гарвардского университета, Дж. Берлинер — профессор экономики университета Брандейса, У. Кинтнер — специалист по военной стратегии СССР, Д. Марк — заместитель директора бюро разведки и исследований госдепартамента США и другие. Все они высоко оценили экономические возможности СССР⁴³.

В то же время многие из них подчеркивали ту мысль, что достижение Советским Союзом паритета с США в области вооружений дает возможность двум странам провести переговоры между собой о стабилизации военного равновесия и об ограничении гонки стратегических вооружений, ложащейся тяжелым бременем на экономику каждой страны. «Конечно, обе наши страны — сверхдержавы, — сказал, например, М. Фейнсод, — и наши интересы действительно сталкиваются во многих точках. Но я убежден, что необходимо всегда помнить о том, что у нас также имеются и совместные интересы: совместный интерес в обоюдном выживании, совместный интерес в том, чтобы продолжать жить на нашей планете. И мне представляется, что этот совместный интерес, во всяком случае, указывает на возможность поиска договоренности в области контроля над вооружениями»⁴⁴. Ряд американских ученых, принимавших участие в работе подкомиссии Проксмайра, выразил серьезную озабоченность искажением американских приоритетов, слишком большими усилиями, прикладываемыми ради гонки вооружений и в ущерб гражданским секторам экономики. «В деле приоритета гражданских над военными интересами Советский Союз может кое-чему поучить нас», — закончил свое выступление в подкомиссии А. Инкельс, профессор социологии Гарвардского университета⁴⁵. Эти высказывания представителей американской научной элиты, поставляющей политические доктрины и концепции государственным лидерам, были не просто абстрактно-теоретическими рассуждениями, а представляли собой отражение назревших нужд практической политики. Некоторые теоретики США, раньше считавшие военную силу альфой и омегой «эффективной внешней политики», ныне все более и более скептически смотрят на возможности военной силы. Так, генерал Дж. Гэвин утверждает, что с помощью войны сегодня можно решать лишь тактические задачи, стратегические же задачи необходимо и возможно решать с помощью иных — невоенных — средств⁴⁶.

Жизнь в конце концов заставила лидеров США увидеть, что, несмотря на различие в социальном характере двух государств, на противоположность их идеологий, между США и СССР существует довольно широкая сфера совпадения интересов, важнейшим из которых является заинтересованность в предотвращении ядерной войны. В документе, заложившем политико-юридический фундамент под новую структуру советско-американских отношений, — «Основах взаимоотношений между СССР и США» подчеркивается, что «в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме

⁴³ См. «The Military Budget and National Economic Priorities. Hearings before the Subcommittee on Economy in Government of the Joint Economic Committee Congress of the United States, 91st Congress, 1st Ses. Pt. 3. The Economic Basis of the Russian Military Challenge to the United States», Washington. 1969.

⁴⁴ Ibid., p. 876.

⁴⁵ Ibid., p. 849.

⁴⁶ См. «National Security Policy and the Changing World Power Alignment. Hearing-Symposium before the Subcommittee on National Security Policy and Scientific Development of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, 92nd Congress, 2nd Ses.». Washington. 1972, pp. 66—67.

мирного сосуществования»⁴⁷. К подобному мнению правящие круги США пришли, однако, не в результате спокойного априорного теоретического анализа ситуации в ее динамике, а опытным и долгим путем практического «перебора» иных «альтернатив», неизменно заводивших внешнюю политику США в тупиковые ситуации. Но для такого прозрения потребовались не только суровые уроки жизни. Огромную роль здесь сыграла последовательная миролюбивая политика Коммунистической партии Советского Союза, Советского социалистического государства, их борьба за реализацию разработанной XXIV съездом КПСС Программы мира, которая в концентрированной форме выразила объективные потребности общественного развития, основные цели миролюбивой политики социалистических государств на современном этапе.

Около 60 соглашений, заключенных между СССР и США в 1972—1974 гг., создали определенную основу отношений между двумя государствами, очертили сферы совпадения интересов двух стран и оформили своего рода «кодекс поведения», которым обе страны согласились руководствоваться в своих действиях на мировой арене.

Эволюция концепций использования военной силы и военного строительство в США в 70-е годы. Несмотря на признание принципов мирного сосуществования во взаимоотношениях с СССР, правящие круги США все еще продолжают рассматривать военную силу в качестве важнейшей опоры своей внешней политики. Более того, можно констатировать, что события 1975 г., в частности крах марионеточного сайгонского режима, привели даже к некоторому усилению милитаристских настроений и тенденций в мышлении в определенных кругах, влияющих на формирование американской внешней политики. Вместе с тем сама военная политика и военное строительство в США в 70-е годы претерпели некоторые изменения.

Лидерам Вашингтона пришлось признать, что в новой обстановке США не обладают ни силами, ни возможностями единолично выполнять функции мирового полицейского капиталистического мира. В связи с этим они поставили задачу более равномерно распределить военное бремя между США и их партнерами и союзниками по военным блокам. Лица, формирующие внешнюю политику США, также решили, что в условиях, когда мир «вновь вернулся к многополюсному балансированию», США могут возвратиться к традиционной концепции военного строительства по оптимальному, а не максимальному варианту ввиду того, что другие «центры силы» в какой-то мере «уравновешивают друг друга». В связи с этим было признано целесообразным в какой-то степени приглушить откровенную провокационность прошлых публичных формулировок военно-политических доктрин и концепций США как создающих дополнительную ненужную напряженность в отношениях с другими «центрами силы». США выразили готовность вести с Советским Союзом переговоры об ограничении гонки вооружений, в первую очередь стратегических. Вместе с тем американский военный комплекс не отказался и от попыток добиться «согласования» каких-то «взаимоприемлемых правил» или принципов использования стратегического ракетно-ядерного оружия.

В течение 1969—1975 гг. США сократили численность своих войск за рубежом страны на 710 тыс. человек (с 1 млн. 200 тыс. в 1968 г. до 490 тыс. в 1975 г.) в основном за счет вывода полумиллионного экспедиционного корпуса США из Вьетнама. Была продолжена экономическая и военная помощь, оказываемая США как их союзникам по военным блокам, так и странам, выступающим в качестве локальных форпостов американского империализма. С 1969 по 1975 г. включительно она составила, по официальным данным, 45,0 млрд. долл.

⁴⁷ «Советская Программа мира в действии». М. 1972, стр. 16.

по сравнению с 41,9 млрд. за предыдущие 7 лет⁴⁸. В Европе США в результате нажима удалось переложить часть военного бремени на своих натовских союзников. Достаточно сказать, что с 1968 по 1973 г. доля военного бюджета США в общих военных расходах всех стран — членов НАТО уменьшилась с 76% до 66%. В то же время образовывавшаяся в 1968 г. так называемая еврогруппа НАТО (в составе 10 западноевропейских стран — без Франции, Португалии и Исландии) разработала и приняла в 1970 г. «программу улучшения европейской обороны», на осуществление которой участники этой группы в 1970—1974 гг. выделили дополнительно 5,5 млрд. долл., помимо регулярных отчислений из военных бюджетов⁴⁹. Однако это повышение западноевропейского участия сопровождалось, к крайнему неудовольствию американских стратегов, все большим стремлением стран Западной Европы к автономной, независимой от США военной политике.

Наряду с сокращением своего присутствия на заморских театрах Соединенные Штаты видоизменяли и сами его формы, делая больший упор на военно-морские силы, не столь зависящие от военных баз на иностранных территориях. Начиная с 1972 г. министерство ВМС США опередило сухопутные войска и ВВС по получаемой доле военного бюджета. В порядке «понижения заметности» американского военного присутствия в мире и в то же время ради компенсации сокращения своего сухопутного присутствия США усилили постоянное военно-морское патрулирование в Тихом океане, Средиземном море и в особенности в Индийском океане и Персидском заливе. С 1965 по 1974 г. США построили 169 надводных военных кораблей (водоизмещением свыше 1000 т каждый), израсходовав на это 20 млрд. долларов. На 1975—1980 гг. программа ВМС США предусматривает постройку еще 157 надводных и подводных кораблей. На плаву или в процессе строительства находятся 14 крупных надводных боевых кораблей с атомными двигательными установками, в том числе четыре авианосца. В целом ВМС США планируют израсходовать 50 млрд. долл. в течение 10 лет на кораблестроительную программу, призванную повысить военную мобильность США на просторах Мирового океана⁵⁰.

Осуществляя сокращение обычных вооруженных сил, раздутых в период вьетнамской войны, США уменьшили их численность с 3548 тыс. человек в 1968 г. до 2100 тыс. человек в 1975 году⁵¹. С 1 июля 1973 г. США отказались от призыва и перешли на формирование вооруженных сил на добровольной основе, что явилось уступкой в первую очередь состоятельным слоям населения. В армию ныне идут преимущественно лица, не могущие найти постоянной и хорошо оплачиваемой работы вне военного комплекса⁵². Для повышения эффективности вооруженных сил министерство обороны США осуществило некоторое сокращение персонала штабов и частей поддержки и за счет этого увеличило число боевых армейских дивизий — с 13 в 1972 г. до 16

⁴⁸ «Congressional Record», December 12, 1974, p. S21267; «Красная звезда», 29. III. 1975.

⁴⁹ См. А. Ефремов. Североатлантический блок и международные отношения в Европе. «Проблемы современной Европы». М. 1974, стр. 226.

⁵⁰ «The Defense Monitor», September 1974, Vol. 3, № 8; «Proposed Expansion of U. S. Military Facilities in the Indian Ocean. Hearings before the Subcommittee on the Near East and South Asia of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives, 93rd Congress, 2nd Ses.». Washington, 1974, p. 97.

⁵¹ «Report of the Secretary of Defense J. R. Schlesinger to the Congress on the FY 1976 and Transition Budgets...». Washington, 1975, p. V—3.

⁵² Характерно, например, увеличение количества негров в вооруженных силах. Так, если в 1971 г. они составляли 14% от численности армии, то в 1975 г. их доля повысилась до 22%. Тем не менее число офицеров-негров составляет всего 4,5% от общего числа офицеров («Report of the Secretary of Defense...», p. V—11). Не удивительно и то, что в период резкого роста безработицы в США в 1974—1975 гг. вооруженные силы США не испытывали недостатка в волонтерах.

в 1975 г., без изменения общей численности армии (785 тыс. человек в 1975 г. плюс 196 тыс. человек — еще 3 дивизии — в корпусе морской пехоты)⁵³. Добровольческая армия США, как и прежняя, основанная на призыве, продолжает конструироваться прежде всего как сила, предназначенная для интервенционистских операций за рубежами США. Помимо 490 тыс. американских солдат и офицеров, находящихся в Европе и Азии, 6½ дивизий, располагающихся на территории США, представляют собой центральный резерв, предназначенный для экстренного использования на зарубежных театрах в случае необходимости. При этом сокращение численности вооруженных сил в значительной мере компенсируется повышением боеготовности и улучшением качества подготовки сил резерва и Национальной гвардии.

Стремясь укрепить устой капитализма в США, американское правительство пошло на расширение внутренних социальных программ, реализация которых долгое время откладывалась ввиду приоритета потребностей, порожденных агрессией во Вьетнаме⁵⁴. В целях некоторой переориентации приоритетов с внешних задач на внутренние американское правительство решило в какой-то степени стабилизировать военный бюджет. До середины 70-х годов он оставался на годовом уровне в 80 млрд. долл. (в текущих ценах), достигнутом в конце 60-х годов, в момент наибольшего участия США в военных действиях в Индокитае.

Военный бюджет США (в млрд. долл.)⁵⁵

Финансовые годы	В текущих ценах			В постоянных ценах 1969 фин. года		
	Бюджет министерства обороны США*	В том числе дополни- тельные расходы, свя- занные с войной во Вьетнаме**	Военный бюджет мирно- го времени (без расхо- дов на военные дейст- вия)	Бюджет министерства обороны США***	Военный бюджет мир- ного времени (без рас- ходов на военные дейст- вия)	Военный бюджет мирно- го времени с учетом фактического воздейст- вия инфляции лишь на 50% средств, расходуемых министерством обороны
1965	49,6	0,1	49,5	56,5	56,4	53,0
1966	56,8	5,8	51,0	62,9	56,6	53,8
1967	70,1	18,4	51,7	75,5	55,8	53,7
1968	80,5	20,0	60,5	84,5	63,7	62,1
1969	81,2	21,5	59,7	81,2	59,7	59,7
1970	80,3	17,3	63,0	73,8	58,0	60,5
1971	77,7	11,5	66,2	66,8	57,0	61,6
1972	78,3	7,3	71,0	62,8	56,8	63,9
1973	76,0	0	76,0	56,7	56,7	66,3
1974	78,8	0	78,8	54,1	54,1	66,4
1975	87,7	0	87,7	55,0	55,0	66,9

* Без учета ассигнований на военные цели, проходящих по бюджетам Комиссии по атомной энергии (ныне — Управление энергетических исследований и разработок) и Национального управления по авионавигации и освоению космического пространства (НАСА) и составивших в 70-е годы 3,5 — 4 млрд. долларов в год (в текущих ценах).

** Министерство обороны США специально выделяло в таблицах, показывающих расходы на войну в Юго-Восточной Азии, так называемые «дополнительные расходы» («incremental costs»), которые оно определяло как расходы, превышающие те, которые в условиях мирного времени шли бы на содержание того же количества войск и техни- ки, находившихся в данном регионе. Так, дополнительные расходы по боеприпасам

⁵³ «International Herald Tribune», 4.XII.1974.

⁵⁴ Если в 1968 финансовом году бюджетные ассигнования по линии министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения США составляли 20% по отношению к военным ассигнованиям, то в 1975 финансовом году они уже составили 43% от военных ассигнований («Congressional Record», August 21, 1974, p. S15570).

⁵⁵ См. «The Federal Budget and Inflation. Hearings before the Committee on the Budget United States Senate, 93d Congress, 2nd Sess.». Washington, 1974, p. 100; «The Washington Post», 28.1.1973.

включали лишь стоимость боеприпасов, превышающих ту норму, которая была бы израсходована данным контингентом войск в условиях мирного времени (на маневрах, учебных стрельбах и т. д.).

*** Пересчет текущих долларов в постоянные (1969 бюджетного года) произведен административно-бюджетным управлением США, исходя из расчета темпов инфляции в 3% в год до 1969 г. и в среднем 6% в год — после 1969 года. При этом вся сумма бюджета изменяется на соответствующий процент. На деле же инфляция в основном касается 45—50% расходов министерства обороны, идущих на закупки военной техники (цены на которую растут), и в гораздо меньшей степени затрагивает другие расходы (зарплата, пенсии и др.), не связанные с материальным снабжением. Хотя министерству обороны и приходилось несколько повышать зарплату военным и гражданским служащим в связи с инфляцией, оно вместе с тем смогло сократить и даже отменить выплаты ряда дополнительных пособий, направленных на поощрение притока добровольцев в вооруженные силы ввиду того, что высокий уровень безработицы в США в последние годы сам по себе являлся достаточным стимулом для найма в вооруженные силы. Этой экономией средств министерство компенсировало те повышения в денежном довольствии, на которые оно было вынуждено пойти вследствие инфляции. Поэтому корректировка военного бюджета с учетом воздействия инфляции лишь на его половину, идущую на закупки техники (как это представлено в последней графе таблицы), является вполне правомерной, наиболее адекватно отражающей реальные финансовые возможности, которыми располагает министерство обороны США.

Руководители министерства обороны США утверждают, что если принять во внимание неуклонно развивающийся процесс инфляции, то на деле произошло значительное сокращение американского военного бюджета. Пентагон подтверждает этот факт, приводя данные о военном бюджете США в постоянных ценах. Согласно этим сведениям, он уменьшился (в постоянных ценах) с 1968 по 1975 финансовый год на 35%. Однако, как явствует из приведенной выше таблицы, составленной автором на основе критического анализа официальных данных, настойчиво повторяемое утверждение о сокращении американского военного бюджета на одну треть за последние 7 лет опирается на довольно примитивный статистический трюк.

Дело в том, что в 1967—1971 гг. большую долю в военном бюджете США занимал так называемый вьетнамский довесок — ассигнования, связанные с непосредственным ведением США боевых действий в Юго-Восточной Азии (то есть с дополнительным расходованием горючего, боеприпасов, техники и т. д. по сравнению с нормами мирного времени). Фактически правительство США постепенно (по мере свертывания операций во Вьетнаме) исключило из военного бюджета эти дополнительные средства, шедшие на ведение войны, что и создало видимость его существенного сокращения. На деле же реальный военный бюджет США, используемый для финансирования строительства вооруженных сил и закупки вооружений, фактически вырос с 1965 по 1975 г. примерно на 25%, а с 1970 г. — примерно на 10%.

На 1976 финансовый год конгресс утвердил военные ассигнования в размере 92,8 млрд. долл. (в текущих ценах). По данным министра обороны, к 1980 г. запланировано повышение военного бюджета США до 148 млрд. долл. в год (в текущих ценах)⁵⁶.

Что касается доктринальных установок, то вместо явно провоцирующей концепции «превосходства» администрацией США в 1971 г. была выдвинута концепция «достаточности» вооруженных сил. Последняя, с одной стороны, вынужденно признавала факт стратегического паритета СССР и США и невозможность для Соединенных Штатов приобретения в будущем сколько-нибудь значительного превосходства над «потенциальным противником» в области стратегического ракетно-ядерного потенциала. С другой — формула «достаточности» набрасывала дополнительные покров тайны на основные принципы американского военного строительства. Ибо если в отношении строительства обычных вооруженных сил критерии «достаточности» на перспективу в 5—10 лет были сформулированы более или менее ясно (уровень численности армии и морских вооружений и т. д.), то в отношении основного ко-

⁵⁶ «Report of Secretary of Defense J. R. Schlesinger to the Congress on the FY 1976 and Transition Budget...», pp. i—26.

стяка вооруженных сил США — сил стратегического назначения — эти критерии оставались сугубо неопределенными.

В зависимости от ответа на вопрос, для каких задач нужна такая «достаточность», размеры и качество «достаточных» сил стратегического назначения могут быть весьма различными. «Достаточность» может трактоваться как поддержание стратегических сил на уровне «сдерживания», то есть для обеспечения «правдоподобной» (с точки зрения другой стороны) способности к нанесению «неприемлемого ущерба» противнику во втором ударе. В то же время «достаточность» может быть рассматриваемой и как создание той или иной способности для «контрсилового», то есть превентивного, удара, что практически означало бы иные — повышенные — уровни стратегических сил.

В окончательном виде американская трактовка «достаточности» проявилась в связи с выдвижением «доктрины Шлесинджера» о «перенацеливании» американских стратегических сил, которую министр обороны США весьма подробно изложил в своем докладе о военном бюджете на 1975 финансовый год. Он подчеркнул, что в области строительства стратегических сил США продолжают ориентироваться на создание определенного «контрсилового» потенциала по отношению к СССР. Такая «контрсилловая» способность, к приобретению которой стремятся США, не будет «достаточной» для полного первого, то есть обезоруживающего, удара по СССР (ибо такая способность, признал министр, для США недостижима)⁵⁷. Однако она будет «достаточной» для более гибкого — «селективного» (избирательного) — использования американских стратегических сил, для нанесения «ограниченных ударов» по военным объектам противника в случае войны.

Все эти новые стратегические идеи, пользующиеся известной популярностью в военных кругах США, безусловно, нацелены на приобретение США косвенных, частичных качественных преимуществ в рамках количественных ограничений, предусмотренных соответствующими советско-американскими соглашениями по ограничению стратегических вооружений. Их можно охарактеризовать и как поиск способа вырваться из ситуации равенства стратегических возможностей СССР и США, вытекающего из фактического равенства в материальном балансе стратегических вооружений, состоящего, в частности, в том, что каждая из сторон при любых обстоятельствах сохраняет способность к ответному удару по жизненным центрам другой.

Как и прежде, американская «идефикс» в таком поиске сводится, помимо всего прочего, к предложению устраивать «пробу сил» на «нейтральном» театре без того, чтобы затрагивать территории США и СССР. Применительно к «центральной войне» таким театром у американских стратегов всегда оказывается Европа. (Это обстоятельство, между прочим, объясняет неискоренимую подозрительность западноевропейцев к американской стратегии в НАТО — они интуитивно чувствуют, что в доктринах США для них обязательно содержится какой-то подвох.) В этом плане новая концепция использования стратегических сил США есть всего лишь очередная вариация на ключевую тему американской послевоенной стратегии: как обеспечить «используемость» ядерного оружия и в то же время не допустить самоубийства США. Но если американские стратеги не могли найти удовлетворительного ответа на этот вопрос даже тогда, когда США обладали определенным превосходством над СССР в области стратегических вооружений, то едва ли увенчается успехом пентагоновский поиск позитивного ответа на этот вопрос в современных условиях действительного и очевидного для всех советско-американского стратегического паритета.

⁵⁷ См. «Report of the Secretary of Defense J. R. Schlesinger to the Congress on the FY 1975 Defense Budget...», p. 40.

В то же время сам поиск односторонних преимуществ и концепций их реализации неизбежно подстегивает военные приготовления, что диаметрально противоположно политической разрядке, духу времени, столь наглядно проявившемуся в успешном завершении Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Результаты этой встречи положили начало новому этапу разрядки напряженности, явились важным шагом на пути закрепления принципов мирного сосуществования. «Советский Союз,— подчеркнул в своем выступлении на совещании Л. И. Брежнев,— трезво оценивая расстановку и динамику развития различных политических сил в Европе и в мире, твердо убежден, что могучие потоки разрядки и равноправного сотрудничества, которые в последние годы во все большей мере определяют течение европейской и мировой политики, обретут благодаря совещанию и его результатам новую силу и еще больший размах»⁵⁸.

С трибуны XXV съезда КПСС Л. И. Брежнев заявил 24 февраля 1976 г., что в итоге советско-американских переговоров «достигнуто важное принципиальное взаимопонимание между руководителями Советского Союза и Соединенных Штатов Америки о необходимости развития мирных равноправных отношений между обеими странами. Это нашло свое отражение в целой системе советско-американских договоров, соглашений и других документов... В чем главное значение этих документов? В том, что в совокупности они заложили солидную политическую и правовую базу для развития взаимовыгодного сотрудничества между СССР и США на принципах мирного сосуществования. Они в определенной мере уменьшают опасность возникновения ядерной войны»⁵⁹.

Да и в самих Соединенных Штатах реалистически мыслящие представители правящего класса, стоящие у кормила государственного правления, ныне четко понимают невозможность возвращения на позиции «холодной войны». «Каждый, кто требует отказа от разрядки, в конечном счете окажется в проигрыше»⁶⁰,— констатирует президент Дж. Форд. И за этими трезвыми заявлениями стоят, очевидно, не просто сегодняшние умонастроения республиканской администрации, но и коллективный опыт значительного большинства американских правящих кругов, которые в течение четверти века пытались решать мировые проблемы «с позиции силы» инструментами «холодной» и горячей войн, но вместо решения мировых проблем лишь усугубили трудности и противоречия самой американской общественной системы. Как бы ни стремились некоторые представители правящих кругов США к новому проявлению жесткости во внешней политике, к возрождению военного противоборства, сама жизнь заставляет американских политиков проявлять сдержанность на мировой арене, искать согласования интересов с другими участниками международного общежития, развивать сотрудничество и углублять взаимопонимание с СССР и другими социалистическими государствами на основе принципов мирного сосуществования.

⁵⁸ «Во имя мира, безопасности и сотрудничества». М. 1975, стр. 4.

⁵⁹ «Правда», 25.11.1976.

⁶⁰ «Правда», 11.1.1976.